
Основы теории «языка» в двустороннем консенсусе. О работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с позиций коммуникативной модели* Часть I

© 2023 г. А.В. Вдовиченко

*Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1;
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Москва, 115184, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.*

E-mail: an1vdo@mail.ru

Поступила 15.06.2022

В работе И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» (1950 г.) затрагивается ряд общих вопросов теории вербального процесса, трактовка которых в целом согласуется с традиционными (в том числе современными количественно преобладающими) лингвистическими воззрениями на феномен «языка». Этот консенсус наблюдается в нескольких позициях, возникающих вследствие теоретического упрощения: 1) «язык» существует в виде предметных вербальных форм, составляет единство, которое обеспечивает общение людей и которое способно быть объектом изучения и описания; 2) «язык» есть грамматика и словарь; 3) «язык» соединен с мышлением; не бывает мыслей без «языка»; 4) «язык» является общим достоянием для данного коллектива (нации, народа), «язык» объединяет всех говорящих на нем; 5) «язык» есть мистический («волшебный») объект. В настоящей статье предлагается критика этого распространенного взгляда на вербальный процесс с точки зрения коммуникативной модели. Упрощенная (языковая) модель слово-содержащего семиотического процесса является следствием избыточного внимания к вербальному субстрату («словам»), попытки представить вербальные единицы самоорганизованными смысло-формальными модулями, отвечающими за все происходящее в области коммуникативного смыслообразования. Неэффективность «языка» (и «речи») состоит в навязывании вербальным «телам» собственного действия, в то время как смыслопорождение в естественной слово-содержащей коммуникации всецело осуществляется комплексным личным воздействием семиотического актора, всегда многоканальным и многофакторным.

Ключевые слова: семиотическое воздействие, язык, речь, грамматика и словарь, И.В. Сталин, «Марксизм и вопросы языкознания», упрощенный консенсус о языке, коммуникативная модель слово-содержащего семиозиса, критика языковой модели.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-7-104-118

Цитирование: *Вдовиченко А.В.* Основы теории «языка» в двустороннем консенсусе. О работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с позиций коммуникативной модели. Часть I // Вопросы философии. 2023. № 7. С. 104–118.

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда, грант № 22-28-01656, Институт языкознания РАН.

Fundamentals of the Theory of “Language” in the Bilateral Consensus. Stalin’s *Marxism and Problems of Linguistics* from the Standpoint of the Communicative Model* Part I

© 2023 Andrey V. Vdovichenko

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 1, b. 1, Bolshoi Kislovskii per., Moscow, 125009, Russian Federation; Saint Tikhon’s Orthodox University of the Humanities, 23b, Novokuznetskaya str., Moscow, 115184, Russian Federation.

E-mail: an1vdo@mail.ru

Received 15.06.2022

In Joseph V. Stalin’s work *Marxism and Problems of Linguistics* (1950), a number of general issues of the theory of the verbal process are touched upon, the interpretation of which is generally consistent with traditional (including modern quantitatively predominant) linguistic views on the phenomenon of “language”. The consensus is observed in several positions that arise as a result of theoretical simplification (inaccurate metaphor): 1) “language” exists as objective verbal forms, constitutes a unity that ensures communication between people and which can be an object of study and description; 2) “language” is grammar and vocabulary; 3) “language” is connected with thinking; there are no thoughts without “language”; 4) “language” is a common property for a given collective (nation, people), “language” unites all those who speak it; 5) “language” is a mystical (“magic”) object. This article proposes a critique of the Marxist-linguistic consensus from the point of view of the communicative model. A simplified model of a word-containing semiotic process is the result of excessive attention to the verbal substrate (“words”), of an attempt to present verbal units as self-organized semantic-formal modules responsible for everything that happens in the field of communicative meaning (sense) formation. As a result, a theoretical construct “language” is created, designed to save researchers’ a priori attitude to the matter of words (which, at the right moment, when confronting with reality, is casuistically replaced by “speech”, which, however, is also verbal). The inefficiency of “language” (and “speech”) lies in the imposition of its own action on verbal “bodies”, while the generation of meaning in natural word-containing communication is entirely carried out by the complex personal impact of the semiotic actor.

Keywords: semiotic impact, language, speech, grammar and vocabulary, Stalin, *Marxism and Problems of Linguistics*, Marxist-linguistic consensus on language, communicative model of word-containing semiosis, traditional ideas about language, cognitive state, consciousness, criticism of the language model.

DOI: 10.21146/0042-8744-2023-7-104-118

Citation: Vdovichenko, Andrey V. (2023) ‘Fundamentals of the Theory of “Language” in the Bilateral Consensus. Stalin’s *Marxism and Problems of Linguistics* from the Standpoint of the Communicative Model. Part I’, *Voprosy filosofii*, Vol. 7 (2023), pp. 104–118.

* The research was funded by the Russian Science Foundation, grant No. 22-28-01656. The project is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

В серии газетных публикаций лета 1950 г., объединенных затем под общим заглавием «Марксизм и вопросы языкознания» и изданных в виде отдельной брошюры [Сталин 1950], И.В. Сталин пытается вписать «язык» в марксистское понимание социально-экономических отношений, рассматривая этот объект «в диахронии и синхронии», как сказал бы лингвист, последователь Ф. де Соссюра. При этом автор, в соответствии со спецификой исполняемой задачи, по необходимости транслирует свое *обобщенное представление о свойствах «языка»*, которое даже без административного диктата оказалось в целом приемлемым для профессионального лингвистического мейнстрима как во время написания, так и после, вплоть до настоящего момента. За исключением странной ремарки о «курско-орловском диалекте», который якобы «лег в основу русского национального языка» (ср.: [Гаспаров 2022, 21]), в остальном содержание работы вызывает сдержанное одобрение со стороны гуманитарного и, прежде всего, лингвистического цеха (Н.А. Слюсарева, В.А. Звегинцев, В.В. Виноградов, П.С. Кузнецов, В.М. Алпатов, а также М. Коэн, Ж. Вандриес, М. Токизда, Н. Хомский и др.; см.: [Алпатов 1991, 188–190]). Языковедческая позиция Сталина по определенным основаниям оценивалась и оценивается специалистами как не слишком подробная и изощренная, но вполне корректная, здравая и оправданная. Его лингвистические взгляды, по господствующему мнению, «в общем не выходили за пределы традиционных представлений, накопленных в науке о языке» [Слюсарева, Страхова 1976, 91].

По-видимому, причину этого двустороннего консенсуса следует видеть не в латентном или явном марксизме лингвистов и других гуманитариев и не в особом лингвистическом призвании И.В. Сталина (которого, как известно, вдохновлял дореволюционный учебник Д.Н. Кудрявского «Введение в языкознание» [Звегинцев 1989, 19] и консультировал языковед проф. А.С. Чикобава; см.: [Алпатов 1991, 181–182]), а в *упрощенном понимании «языка»*, которое на общей территории обыденного здравого смысла зачастую объединяет лингвистов и нелингвистов. Так, обе партии с готовностью признают, что «язык есть средство (межнационального) общения» (И.В. Сталин, В.В. Виноградов и др.), или что «язык есть грамматика плюс словарь» (И.В. Сталин, Л. Витгенштейн и др.), или что «язык есть система (структура) вербальных знаков» (И.В. Сталин, Ф. де Соссюр и др.), и пр.

Консенсусный объект просматривается здесь в *нескольких основных положениях*, которые принимаются Сталиным по умолчанию или с легким усилием доказываются. Детализация и критика этих положений с позиций *коммуникативной модели* (о ней см., например: [Вдовиченко 2017^а]), возможно, способствует искомому отделению лингвистического (специализированного) подхода от любого упрощающего в трактовках естественной слово-содержащей коммуникации.

1. «Язык» существует в виде предметных вербальных форм, обладающих семантикой и обеспечивающих общение

«Язык» используется Сталиным как готовый и устоявшийся термин, не требующий длительных разъяснений, понятный ввиду всеобщего употребления в значении, которое санкционировано языковедческой и неязыковедческой традициями: «язык» – это все слова, которые как функциональный инструмент используются данным коллективом для общения: «Звуковой язык, или язык слов, был всегда единственным языком человеческого общества, способным служить полноценным средством общения людей» [Сталин 1953, 46]. При таком распространенном и упрощенном понимании «языка» внимание теоретика языковеда сосредоточено, с одной стороны, на предметных вербальных формах, с другой, на «общении», которое этими всеобщими формами обеспечивается. Единообразные для коллектива слова и общение внутри этого коллектива ставятся в прямую связь. Таким образом, де-факто утверждается принцип «форма – значение», согласно которому слова признаются всецело ответственными за передаваемый говорящими смысловой контент.

В результате вербальный субстрат («то, что произносят и пишут все носители») и смысловой контент («то, что понимается носителями при использовании слов») сливаются воедино, становятся единым смысло-формальным комплексом, заключающим в свои границы всех, кто пользуется им, или «говорящих на языке».

Из этой «констатации» проистекают многочисленные теоретические следствия, на которых воздвигается здание традиционной теории языка: «языком» становится «грамматика плюс словарь» (см. далее п. 2), когнитивный процесс (мышление, рассуждение и пр.) того, кто пользуется языком, отождествляется с формами «языка» (см. далее п. 3), «язык» как унифицирующий общий знаменатель навязывается всем носителям «языка» (см. далее п. 4). Эти положения находят выражение в своего рода фетишизации «языка» (см. далее п. 5), в создании такого теоретического конструкта («язык»), который не отвечает реальности происходящего в слово-содержащей коммуникации.

Для создания более эффективной модели следует признать, что коммуникант не «говорит словами», но *пытается оказать семиотическое воздействие*, то есть совершает гораздо более сложные операции, чем игра в смысло-формальные кубики слов. Представим себе, что в некотором коммуникативном акте, осмысленном со стороны коммуниканта и понимаемом адресатом, слова вовсе отсутствуют (например, при жестикулировании, демонстративном поведении, использовании мимики лица, рисовании схем или пиктограмм и пр.). Понятно, что в таком далеко не редком случае содержательный контент передается и воспринимается, несмотря на отсутствие слов: адресату (наблюдателю) ясно, на что указывает актер, чего он хочет, какие чувства выражает и пр.

Теперь представим коммуникативный акт, в котором уже присутствует вербальный субстрат, например слово [это]. Понять данное клише, лишенное смысла само по себе как элемент «языка», можно только при условии, что *констатируется сам процесс семиотического воздействия*, в котором семиотический актер демонстрирует собственный режим сознания: он указывает на какой-то фокус своего внимания в данный момент в структуре производимого воздействия. Реципиент способен понять процесс коммуникативной референции, а не слово. Сам актер, пользуясь вербальным клише [это], также рассчитывает, что в результате воспринято и осмыслено будет не слово, а режим его сознания, то, на что он считает нужным указать (проявить, изобразить) здесь и сейчас. Такая диспозиция имеет место в случае употребления любого предметного элемента «языка», конкретно понимаемый смысл (семантика, значение) которого возникает только в моменте конкретной коммуникативной референции в данных условиях.

Между слово-содержащим и не содержащим слов актами нет принципиального различия. В обоих случаях «работает» *акциональное когнитивное состояние* семиотического актора (его внутренний и в данный момент реализуемый план изменений какого-то внешнего когнитивного состояния), который обнаруживается и воспринимается в производимой попытке воздействия (семиотического акта): избранные или созданные объекты, признаки, связи, ценности, предпочтения, мыслимые адресаты, интенции к адресату и пр.

Автономные вербальные формы («слова»), которые якобы составляют «язык», который, в свою очередь, якобы обеспечивает взаимопонимание «носителей» и «знатоков языка», *не обладают семантическими валентностями* (значениями, смыслами, семантикой) *ввиду отсутствия в них собственных потенций на что-то указывать, что-то обозначать, иметь какие-то свойства, к чему-то относиться*. По этому критерию слова (как и любой знаковый субстрат) радикально отличаются от физических объектов (предметов), которым можно приписать признаки, наблюдаемые в самом теле предмета, – цвет, вес, размер, форму и пр.

В отличие от предметов, слова, чтобы получить какие-то условно приписываемые им свойства, должны получить коммуникативную референцию, оказаться вовлеченными в конкретную коммуникативную процедуру, в рамках которой обладатель сознания (единственный в мире источник «значений и смыслов») демонстрирует *собственный*

способ использования вербальных клише (как, впрочем, и других, не вербальных, «знаков») в данном акте и придает доселе бессодержательной вербальной форме семантическое тождество (подробнее см.: [Вдовиченко 2022]).

2. Язык есть грамматика и словарь

Автор работы «Марксизм и вопросы языкознания» представляет «язык» в виде единства «грамматика плюс словарь» повсеместно, вполне соответствуя распространенной лингвистической точке зрения (например: «Грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики» [Сталин 1953, 26]).

Между тем ключевым условием коммуникативного (более корректного) понимания грамматики является несомненный факт, что «носители языка» – лингвисты и нелингвисты – не имеют представлений о грамматических правилах в момент совершения естественных слово-содержащих воздействий и не руководствуются ими. В их сознании отсутствуют подлежащие и сказуемые, падежи и наклонения, морфемы и части речи.

Приложив усилия, более или менее квалифицированный теоретик, обладающий некоторым индивидуальным набором специальных знаний, может попытаться спроецировать данный отрезок фонетической/фонетико-графической цепи на доступную сетку грамматических категорий (падежей, склонений, времен и пр.) и даже изобрести новые принципы системности (как некогда стойки вводили переосмысленную категорию падежа и пр.). Однако в сфере естественной коммуникации отрезок фонетической цепи будет всегда включен в процесс смыслообразования (откуда его нельзя извлечь без потери аутентичных свойств), а, следовательно, объектом любого грамматического анализа будет неизменно выступать не-грамматизированное образование, возникшее в результате не-грамматического (не осознанного в нормах грамматики) действия какого-то семиотического актора. Любые исследовательские попытки наложить грамматическую разметку на естественные вербальные данные будут неизбежно углубляться в деятельность индивидуального сознания актора, которая изначально – в естественном состоянии – лишена всякой грамматической подоплеки.

Говорящие на «родном языке» оперируют в своих слово-содержащих воздействиях *клишированными*, а не грамматическими модулями. Так, большинство «носителей русского языка» знают, что в определенных коммуникативных условиях для исполнения своей задачи можно произнести/написать фонетическое/фонетико-графическое клише [добрый день]. Однако вряд ли те же носители – лингвисты и нелингвисты – будут в состоянии с уверенностью ответить на вопрос о грамматической структуре данного предложения и его элементах (определить подлежащее, сказуемое, используемые падежи, тип по цели высказывания, место в номенклатуре формульных конструкций и пр.). Это вопиющее игнорирование грамматического знания тем не менее не мешает им свободно использовать эту автоматизированную формулу в актуальной слово-содержащей коммуникации. Специальные рассуждения о том, какие *грамматические* категории и правила присутствуют в данном действии с вовлечением клише [добрый день], вероятно, являются увлекательной игрой, но не имеют к существу происходящего прямого отношения. То же можно сказать об употреблении падежей, времен, наклонений, управлений и прочих, на самом деле клишированных (произносимых по привычке, а не «по грамматике»), отрезков фонетической цепи.

Заметим к тому же, что изобретенные лингвистические категории, налагаемые на естественный материал, не могут быть обнаружены на уровне нейрофизиологии. Они «не монтируются» с механизмами работы нейронных популяций, какими бы ни были эти механизмы. В коре явно нет отдельных локусов для хранения приставок, падежей, времен, существительных, наклонений и пр., в то время как порождение говорящим *автоматизированных клише* гораздо органичнее вписывается в нейрофизиологические представления о работе мозга даже на современном, пока недостаточном, уровне знания.

Несомненным является и то, что знание элементов «родного языка» приобретает «носителем» не посредством изучения стандартной грамматики и словаря, а благодаря *усвоению коммуникативных синтагм* – полимодальных (многофакторных и многоканальных) типологических ситуаций семиотических воздействий с вовлечением (а иногда и без) вербальных клише. Вследствие этого «носители единого языка» (грамматики и словаря) не обладают единообразным знанием «единого языка» (грамматики и словаря) ни в практическом, ни в теоретическом поле. Сферы их коммуникативно-типологического знания никогда не совпадают полностью ни в отношении отдельных синтагм, ни в отношении их общего объема. Вариативность владения коммуникативной типологией – в зависимости от факторов происхождения, образования, рода занятий, социальной мобильности, ситуативных данных и пр. – может достигать значительных масштабов, проявляясь в том числе в далеко не редких случаях непонимания носителей между собой, несмотря на использование якобы «общего языка» («словаря и грамматики»).

Поскольку понимается не вербальная формула, а *конкретная ситуация коммуникативного воздействия* (в основании которой лежит *акциональное когнитивное состояние* семиотического актора, которое можно попытаться воссоздать по совокупности параметров производимого действия, в том числе по вовлекаемым вербальным клише), – грамматические нарушения, оговорки, речевые ошибки, недоговоренные фразы, плохо артикулированные фонетические отрезки, высказывания с «включениями других языков» и даже «несловесные высказывания», несмотря на очевидную знаковую (словарно-грамматическую) ущербность, зачастую могут участвовать в полноценном смыслообразовании (что, впрочем, только подчеркивает, что интерпретируются не вербальные единицы, а сами комплексные многофакторные действия на основе эксплицируемых и воссоздаваемых акциональных состояний актора, которые по мере возможностей понимает интерпретатор).

На основании наблюдений над знанием «родного языка» «носителями» можно с уверенностью утверждать, что *стандартизированные грамматика и словарь*, вопреки мнению марксиста, не присутствуют в сознании говорящих «на родном языке», не исчерпывают естественный слово-содержащий семиозис, не участвуют в нем в качестве обязательных констант, не составляют для слово-содержащей коммуникации «на родном языке» аутентичного свойства. *Концепция «языка» как «грамматики и словаря» не является эффективным инструментом моделирования слово-содержащей коммуникативной реальности.*

При этом нельзя не согласиться (отчасти оправдывая словарно-грамматический энтузиазм И.В. Сталина и некоторых согласных с ним лингвистов), что присутствие «грамматики и словаря» в определенных сегментах гуманитарного пространства необходимо и неизбежно. Представляя собой мнемотехнические приемы, грамматика и словарь «языка» имеют огромное *вспомогательное значение* для исполнения *практических задач* – лингводидактики (в том числе изучения иностранных «языков»), научения чтению и письму, систематизации словесных баз данных, практической околонучной риторики и пр.

Так, эталоном знания иностранного, скажем, английского, «языка», безусловно, будет тот, для кого этот «язык» является родным. «Носитель английского языка», как и любой «носитель», владеет не грамматикой и словарем (о которых с детства не помышлял и с тех пор никогда не воспроизводил их в своем сознании в момент совершения слово-содержащих семиотических действий), а обширным комплексом данных *усвоенной коммуникативной типологии* (личных привычек и представлений о том, как «можно сказать», то есть как совершать воздействия с вовлечением вербальных клише). Поэтому на «словарный» вопрос, что означает, скажем, слово [добрый], «носитель» извлекает из своей памяти возможные, с его точки зрения, ситуации коммуникативных (воз)действий, в которых данное клише может быть использовано. В свою очередь, «грамматический» вопрос о том, как, например, реализовать в слово-содержащем действии ту или иную модальность, у «носителя» вовсе не возникает, поскольку для конкретных случаев в его арсенале присутствуют клишированные формулы, также приобретенные из опыта коммуникативных интеракций.

При этом, вовсе не нуждаясь в грамматике и словаре, «носитель языка» представляет собой единственный и незаменимый объект исследования в работе грамматиста и лексикографа. Сами грамматики и словари (далеко не единообразные, как и сам опыт «носителей») составляются на основе показаний информантов, не знающих грамматики и словаря. По окончании работы специалистов каждый из носителей непременно обнаружит, что не владеет в полном объеме тем «языком», который создается грамматистом и лексикографом путем суммирования всех индивидуальных практик слово-содержащего семиозиса – практик несовпадающих и вариативных. «Грамматическая и словарная правильность» (норма), в конце концов, в общих чертах конституируется привычками и предпочтениями «носителей» и всегда покорно следует за узу-сом, в котором *ipso verbo* отсутствуют осознанные грамматика и словарь.

Ясно, что конструктор «язык» («грамматика плюс словарь») нужен кому-то иному, но не самому «носителю». Заинтересованным лицом, по-видимому, является тот, кто недостаточно знаком с коммуникативной типологией данного сообщества или какого-то его специального сегмента – иностранец, исследователь древнего текста, внешний для данной сферы общения коммуникант, школьник, обучающийся принятым условным правилам письма, и пр. Рассматриваемый вербальный субстрат, составляя один из параметров интерпретации производимого семиотического воздействия, не дает интерпретатору достаточных оснований для обнаружения (воссоздания) акциональных когнитивных состояний «иноязычного» актора, не соотносится в сознании интерпретатора, носителя иной коммуникативной типологии, с известными ему формами поведения при совершении семиотических действий. Поэтому интерпретатору требуется *инструмент*, который поспособствовал бы переходу с собственной коммуникативной типологии на иную, неизвестную, и позволил бы более уверенно распознавать поведение «иностранца», воссоздавать его когнитивные акциональные режимы. Таким инструментальным переходником служат «грамматика и словарь языка» – например, английская грамматика для русскоговорящих, китайская для франкофонов, древнегреческая для современных греков и пр.; словарь латинских слов и выражений для англоговорящих, словарь «Слова о полку Игореве» для современных русскоговорящих и пр.

В своей работе лексикограф и грамматист опираются на тождество (или сходство) *коммуникативных синтагм* – представлений о вербальных клише в составе семиотического действия (чем действительно «владеет» «носитель языка»). Признать отдельные слова / словесные конструкции разных языков соответствующими друг другу можно только на основе тождества (сходства) семиотических воздействий, производимых с вовлечением данных слов, а не на основе корреляции самих слов.

Так, русское слово [рука] может соответствовать (быть «переводом») английскому [hand] только в том случае, когда оба актора – русско- и англоговорящий – совершают одно и то же семиотическое действие (исполняют с вовлечением данного слова единое указание на данную часть тела, вернее, указание на *фокусирование своего внимания на той части тела*, которая «по английской привычке» часто называется [hand], а «по русской привычке» – [рука]). В других случаях слово [рука] может не соответствовать слову [hand] (не быть его «переводом») ввиду иной коммуникативной синтагматики, когда, например, посредством [hand] англоговорящий эксплицирует свой фокус внимания на «стрелке часов» (чего обычно не делает русскоговорящий посредством слова [рука]). То же – в случае корреляций между грамматическими конструкциями.

Характерно, что изучение «иностранного языка», то есть усвоение обладателем сознания не знакомых из личного опыта «чужих» коммуникативных синтагм (в чем действительно помогает словарно-грамматический «переходник»), конечной целью имеет по возможности полное забвение «грамматики», отбрасывание подсобного инструмента («грамматических костылей»), достижение такого уровня автоматизма в пользовании клише в синтагмах, каким обладает «носитель», никогда не помышлявший о вспомогательном «переходнике». Говорение на иностранном языке тем успешнее, чем меньше подсобных грамматических и словарных правил в момент говорения пытается вспомнить и исполнить коммуникант.

Несмотря на то что основания сопоставления любых единиц «языка» лежат в сфере коммуникативной референции и определяются когнитивными процессами семиотического актора (например, словом [это] он может указывать едва ли не на любой мыслимый объект и быть понимаемым), вспомогательные инструменты «грамматика и словарь» неизбежно создаются как корреляции *предметных вербальных данных*, представляют собой списки, в которых одному вербальному (фонетико-графическому) комплексу соответствует какой-то другой, тоже вербальный. У наблюдателя (например, марксиста, автора рассматриваемой работы) возникает обманчивое ощущение, что «действующим веществом» слово-содержащей коммуникативной процедуры являются слова (вербальные данные). Как будто они сами произносятся и понимаются при говорении/письме, сопоставляются, соответствуют друг другу, имеют семантические и грамматические валентности и пр.

Между тем в естественном слово-содержащем семиозисе протекают когнитивные (психические, ментальные, эмоциональные и пр.) процессы, «работают» сущности, в которых знаковый, в том числе вербальный, компонент в конечном счете отсутствует. Акциональное («воздейственное») когнитивное состояние семиотического актора представляет собой искомый (актором и интерпретантом) *семантический предел* индивидуального знако-содержащего (воз)действия. В «идеальной» области личной когниции *отсутствует знаковый состав*, который затем, после стадии внутренних решений, может понадобиться обладателю сознания для достижения изменений во *внешних* когнитивных статусах, как средство и возможность эксплицировать собственное незнаковое состояние сознания.

Так, во внутреннем желании произвести воздействие на адресата (сделать так, чтобы тот «изменил свой когнитивный статус» – узнал о событии, согласился произвести какие-то действия и пр.) еще не присутствует знаковый компонент. Скажем, в осознании необходимости открыть окно и констатации возможности попросить кого-то сделать это нет никаких знаков, в том числе вербальных. Чтобы иметь собственные фокусы внимания, видеть связи, испытывать желания, строить планы и пр., обладателю сознания нет необходимости указывать на них самому себе посредством каких бы то ни было способов.

Однако нужное ему воздействие на *посторонний* когнитивный статус, в том числе на собственный, но мыслимый как иной (например, напоминание самому себе), может реализоваться только вследствие каких-то целенаправленных экспликаций своего состояния. Принимая решение о воздействии, обладатель сознания «запускает» акциональный («воздейственный») режим сознания, который по впоследствии произведенным знакам («намекам» на внутренние незнаковые состояния, выбор которых также находится в компетенции незнаковой работы мышления) может интерпретироваться другим обладателем сознания в данных условиях. В ходе интерпретации адресат выясняет, каких изменений пытается добиться от него (или кого-то еще) семиотический актор – вызвать представления об объектах, связях, свойствах, спровоцировать эмоции и пр. В ходе интерпретации он, таким образом, неизбежно возвращается, если имеет добросовестное желание понять «сказанное», в область незнаковых когнитивных процессов актора, воссоздает акциональный незнаковый режим его сознания.

Например, само желание обладателя сознания попросить кого-то открыть окно не имеет в своем составе знакового компонента. В пространстве внутренней когниции то, что «называется по-русски» [окном], *не называется для обладателя сознания никак*, несмотря на его «какую-то-язычную» принадлежность как «носителя какого-то языка». Именно поэтому в отношении этого объекта является заведомо бессмысленным вопрос, [окно] ли это, или [window], или [Fenster], или [fenêtre] и пр.

Однако при необходимости произвести воздействие на адресата семиотический актор избирает оптимальные способы воздействия: в наличествующих условиях он может эксплицировать свой акциональный («воздейственный») режим сознания жестом, или произнести адресованную кому-то вербальную формулу (русскую, английскую, немецкую, французскую, в зависимости от способности адресата идентифицировать

его акциональные состояния по знакам-«намёкам» и другим параметрам ситуации), или комбинировать каналы семизосиса, скажем, жестикулируя одновременно с говорением («Откройте его, пожалуйста»). В любом случае адресат будет понимать не вербальную форму как таковую, а *незнаковые когнитивные состояния* данного семиотического актора, который здесь и сейчас обращается именно в нему, адресату, желает именно таких изменений в его сознании и пр.

На этом фоне словарно-грамматические списки вербальных данных (например, в двуязычных словарях или двуязычных описаниях грамматики) обнаруживают заведомо служебный, подсобный характер. То же – в случаях обучения иностранным языкам, научения условным правилам чтения и письма на родном «языке» (для чего прежде всего необходимо заранее владеть фонетическими коммуникативными клише) и пр.

Говорящие/пишущие на «языках» преследуют конечной целью не соблюдение правил, а смыслообразование – опосредованное целенаправленное изменение когнитивного статуса мыслимого адресата. Грамматика и словарь, неведомые «носителям» и вспомогательные для не-владеющих коммуникативной типологией «чужаков», оправданы необходимостью решать некоторые практические задачи, но не отражают сути слово-содержащего семиозиса, не являются его эффективной моделью. Смыслообразование (достижение новизны в постороннем сознании, целенаправленная попытка изменения внешней когниции) в конечном счете имеет незнаковую (в том числе невербальную, неграмматическую и несловарную) природу.

Поэтому беззаветная приверженность некоторых языковедов грамматике и словарю выглядит ошибочной позицией. Редуцирование слово-содержащего семиозиса к словарно-грамматической «системе слов» лишает этот объект подлинных психических (когнитивно-эмоциональных) «первичных» оснований, представляет собой теоретически недопустимое упрощение. Используемый подсобный инструмент не может заменить собой сам целевой процесс, как, скажем, вилка или нож не могут адекватно представлять процесс питания.

3. Язык соединен с мышлением; не бывает мыслей без языка

Автор работы «Марксизм и вопросы языкознания», как и некоторые профессиональные исследователи вербального субстрата («языка», «речи»), недвусмысленно объединяет мышление и язык, фактически постулирует их неразрывную связь и даже тождество, например: «Огненных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой “природной материи”, не существует. “Язык есть непосредственная действительность мысли” (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с “природной материей” языка, о мышлении без языка» [Сталин 1953, 88, 89].

Вопрос о соотношении мышления (сознания) и вербальных форм («языка», «речи», «слова») без преувеличения является одним из ключевых и критически важных для создания эффективной модели слово-содержащего процесса. Сталин, одобрительно цитируя К. Маркса и споря с «идеалистом» Н.Я. Марром («который, говоря о языке (звуковом) и мышлении, отрывает язык от мышления и впадает таким образом в идеализм», но который, заметим, сам пользовался «идеализмом» как ругательством), принимает сторону почтенного большинства древних и современных языковедов и неязыковедов: «мысль – то же самое, что речь, но без участия голоса», «мышление – внутренняя беседа души с самой собой» (Платон), «слово есть высказанная мысль», «мысль реализуется в слове», «мысль отражается в слове», «мысль не существует без слова», «слово (речь) есть эксплицированная (“оречевленная”) мысль», «мысль передается словом», «мысль оформляется словом из аморфного сознания» (Ф. де Соссюр), «вербальное общение состоит в высказывании мыслей» и т.д. И здесь автор рассматриваемой работы (вместе с единомышленниками) существенно упрощает положение дел и, как следствие, впадает в ошибку – непростительную, поскольку в результате

ущерб наносится не только лингвистической теории, но и пониманию (диапазона) человеческой свободы выбора и сознания.

Вульгарная («народная») трактовка соотношения мышления и вербального высказывания возникает, вероятно, вследствие простой констатации того непреложного факта, что любой словесный контент производится обладателем *сознания (мышления)*. Содержание сознания, несомненно, существующее в каком-то качестве, скрыто от других обладателей сознаний, его нельзя обнаружить внешнему наблюдателю непосредственно. Зато любая словесная последовательность формируется исключительно при непосредственном участии сознания (мышления). Соответственно, то ранее скрытое, что говорящий/пишущий обнаруживает затем в словах, нельзя не признать *проистекающим из его сознания (мышления)* и, соответственно, можно посчитать произносимое «слово» самой «мыслью».

Для опровержения этой упрощающей схемы и объяснения вариантов ее усложнения, влекущих за собой отмену «словомысленного единства», достаточно рассмотреть *ложь* (осознанное «говорение неправды») как лингвистический (коммуникативный) феномен. Сам факт, что обладатель сознания *намеренно* – будучи в здравом уме и твердой памяти – свидетельствует о том, чего нет или не было в реальности, сразу заставляет отказаться от прямого ассоциирования слова и мысли: тот, кто говорит/пишет осознанную «неправду», *сам знает*, что его утверждение о положении дел не соответствует «реальному» положению дел, но он тем не менее *делает* это утверждение с участием «слов». В произнесенном «слове», таким образом, с полной очевидностью не обнаруживается личная «мысль» (которая в этот момент, среди прочего, состоит и в том, что действительность иная, не та, которая отражается данным говорящим в «слове»). «Мысль» и «слово» в этом случае явно *не совпадают, не являются* «одним и тем же».

Для сторонников «мыслесловия» феномен лжи представляет собой своего рода парадокс: если слово – это «мысль», то почему же в случае лжи слово – это «немысль»? Но этот парадокс существует только до тех пор, пока древний поэтический миф («мысль из сознания изливается в виде слова») скрывает от наблюдателя более правдоподобную диспозицию: *когнитивный процесс* (где нет «знаков», в том числе слов), с одной стороны, и *процедура семиотического воздействия* (где пользование «знаками» является обязательным для реализации *внешнего* воздействия), с другой, представляют собой *принципиально различные модусы* активности обладателя сознания, *различные режимы* его экзистенции. «Мысль» и «говорение» (так называемый «язык», или «речь») занимают *непересекающиеся ниши* в онтологическом пространстве человека разумного.

Свидетельства этого разделения присутствуют повсеместно. Простым аргументом является интроспективный опыт. Каждый, наблюдая за собой, не может отрицать, что думает он всегда раньше, чем подбирает и произносит какие-то слова. То, что обладатель сознания замышляет, планирует, предусматривает, формирует в сознании, – сказывается затем в том, что он говорит/пишет (как и в других, несемiotических, действиях). Эти процессы – мышления и говорения – явно не совпадают по времени и по многим операциональным признакам. Так, чтобы что-то понять или сфокусировать внимание, не нужно для этого говорить с самим собой. Чтобы представить образ предмета, не нужно для этого произносить про себя слово, которым этот предмет называется на каком-то «языке». Зачастую бывает так, что в сознании имеется вполне определенный образ, но «имя» этого предмета/явления/человека некоторое время вспоминается/подыскивается обладателем сознания. Кроме того, процесс письма хотя и представляет собой во многом отличный от говорения семиотический акт (см.: [Вдовиченко 2017⁶]), дает свидетельства того, как обладатель сознания формирует «работой мысли» – уже существующей и руководящей процессом – итоговую последовательность вербальных клише и пр. (об экспериментальном аргументе разделения сознания и семиотического действия см.: [Вдовиченко 2021]).

Опасность объединить (перепутать) мышление с говорением, вероятно, грозит наблюдателю, который рассматривает «утвердительные» или «отрицательные» предло-

жения, могущие, как кажется, соответствовать или не соответствовать «положению дел», быть «истинной или ложной мыслью». Для Аристотеля объединительный подход оказался удобным при создании логики, науки о мышлении. Однако сам же он замечал, что среди вербальных высказываний присутствует множество таких, в которых ничего не утверждается/отрицается в отношении «положения дел», и по этой причине выводил такие высказывания из сферы компетенции логической науки, объясняющей «мышление» (подробнее см.: [Вдовиченко 2008]). Вряд ли кто-то из лингвистов и нелингвистов согласится, что вопросы, восклицания, императивы, высказывания о будущем и пр., оставленные автором «Органона» за пределами логики, произносятся говорящими за рамками мышления, без участия мышления (сознания). Скорее, следует признать, что сознание (мышление) *во всех случаях говорения одинаково* присутствует и проявляет себя на стадии *планирования* попытки слово-содержащего воздействия – информирования, констатации, вопроса, просьбы, приказа и пр., в то время как *само действие* представляет собой по отношению к стадии планирования нечто иное.

Кроме того, онтологический аспект «высказывания мыслей» всегда провоцирует сомнения:

1) высказывать правильную мысль, с точки зрения простой логики, не имеет никакого смысла: положение дел, соответствующее суждению о них, и без высказывания мысли о них существует в реальности (как, впрочем, и в сознании говорящего, коль скоро он в состоянии высказать мысль о положении дел);

2) высказывать ложную мысль как правильную (добросовестное заблуждение) также не имеет никакого смысла ввиду ее правильности, с точки зрения говорящего, и ложности, с точки зрения реальности;

3) произносить намеренную ложь тем более не имеет никакого смысла, ввиду ее заведомой ложности для самого говорящего;

4) произносить вопросы, императивы и пр. также не имеет никакого смысла, поскольку никакое состояние мира (истинное или ложное) в вопросах и императивах заведомо не содержится, то есть никакой истинной или ложной мысли в такого рода высказываниях найти нельзя.

При этом реальность всегда свидетельствует, что говорящие, несмотря на логическую бессмысленность происходящего («говорения мыслей»), все же высказывают «субъективно истинные суждения», странным образом «дублируя» (с точки зрения языковой модели) состояние дел в мире, а также «говорят намеренную ложь», а также произносят не констатирующие никакого состояния мира вопросы, императивы и пропозиции с самой различной модальностью – от ламентаций и сомнений до оскорблений и оценок (в которых все же странным было бы отрицать наличие мыслящего, обладающего сознанием актора).

Ясно, что говорить и мыслить – разные виды активности обладателя сознания: когда он мыслит, он еще не говорит (и может в результате размышления вообще не приступить к действию в коммуникативном пространстве); когда же он говорит, он уже решил, как это делать, и в этот момент он производит опосредованное воздействие на мыслимого адресата, а его сознание осуществляет операциональный контроль совершаемого действия (ср. с физическим действием).

Разделение работы сознания и семиотического (в том числе слово-содержащего) процесса составляет необходимое условие корректной интерпретации естественных вербальных данных. В этом разделении ключевым условием является *понятие воздействия* (или попытки достижения *изменений* в некоем внешнем мыслимом *status quo*), которое осуществляется в *семиотическом* акте, направленном вовне, и которое полностью отсутствует в *когнитивном* акте, не покидающем внутреннего пространства обладателя сознания (см. выше). Так, *когнитивным* можно считать процесс внутренней (не проявленной в каком-либо демонстративном поведении, в том числе в воздействиях на внешнее когнитивное состояние действиях) работы сознания. Таковыми могут считаться: идентификация объекта/действия/явления и пр., удержание/хранение

в памяти объекта/действия/явления и пр., планирование действий, принятие решения, контроль совершаемых действий (операций) и др. Когнитивные операции производятся обладателем сознания без вовлечения знаков.

В свою очередь, *знаковым* можно считать процесс опосредованного воздействия, производимого актором на внешнее (мыслимое как иное) когнитивное состояние с целью намеренного изменения его статуса. В этом смысле знаковыми могут быть названы любые формы воздействий актора (в том числе слово-содержащие), направленные на изменение мыслимого состояния иного сознания путем экспликации своего акционального («воздейственного») состояния – отличного от собственно когнитивного. В отличие от прямых (физических) способов воздействия на объекты (например, удара по мячу), в знаковые (семиотические) воздействия всегда вовлечена «когнитивная призма»: семиотический актор представляет психическое (когнитивно-эмоциональное) состояние мыслимого адресата как объект опосредованного воздействия, а адресат (или вторичный интерпретатор), в свою очередь, считывает психическое состояние актора: кого тот мыслит в качестве адресата, какие объекты поместил в фокус своего активного внимания для привлечения чужого внимания, какие связи считает необходимым предъявить, чего добивается от адресата, какими ценностями руководствуется, каковы мыслимые им обстоятельства производимого воздействия и пр. Такое воздействие, основанное на демонстрации *акционального* состояния актора в мыслимых параметрах, осуществляется всегда комплексно различными «знаками» (выражением лица, жестами, вербальными клише, изображениями, атрибутами одежды, демонстративным поведением и пр.). Добросовестная интерпретация «знаков» сводится к воссозданию психических, или когнитивно-эмоциональных, состояний семиотического актора, актуальных в момент совершения данного воздействия.

Заметим, что *разделение на язык и речь*, якобы позволяющее признать всеобщий «язык» не обладающим мыслью, а индивидуальную «речь», наоборот, обладающей, не дает исследователю выйти за рамки предметно-языковой, или смысло-формальной, парадигмы, поскольку слово-содержащий знаковый процесс, пусть и в виде вербальной «речи», *по-прежнему отождествляется* с внутренним неакциональным режимом сознания, то есть «мыслью». Так, В.В. Виноградов, впоследствии (в 1963 г.) указывая на теоретические неточности И.В. Сталина, напомнил о различии «языка» и «речи» и вместо использованной Сталиным Марксовой формулы «язык есть действительное сознание» предложил другую: «речь есть действительное сознание», она – а не язык – есть непосредственная действительность мысли (см.: [Хан-Пира 2002]). В том же ключе М.М. Бахтин оставался в рамках языковой парадигмы, признавая, что, в отличие от общего «языка», «текст» и «высказывание» (версии индивидуальной «речи») представляют собой индивидуальную мысль: «Текст является... непосредственной действительностью мысли и переживаний» [Бахтин 1979, 301]. В рамках коммуникативной модели, вводящей концепцию комплексного семиотического воздействия, *любая знаковая деятельность*, в том числе слово-содержащая, считать ли ее «речью» или «языком», уже является *внешним воздействием*, «не-мыслью». Концепция «речи», как и «языка», опирающаяся на вербальный субстрат, в нем видит основание смыслообразования, в то время как тот представляет собой лишь интегрируемый элемент (часть, «намек», «след») производимого коммуникативного воздействия. В словосодержащих смыслопорождающих процедурах совершаются не речевые (вербальные) акты, а гораздо более сложные *семиотические акты*.

Поэтому лгущий («намеренно говорящий неправду») коммуникант, как и любой иной, в том числе «говорящий правду», *совершает попытку воздействия* (а не мыслит), следует сценарию, изобретенному до произнесения слов (как и в случае физических действий), реализует уже сложившийся в сознании план нужных ему изменений, которые он собирается привнести в постороннее сознание и тем самым достичь в нем новизны «положения дел». Его внутренние *мотивации, намерения и планы* изменить чужой когнитивный статус не ложны, представляют собой его подлинную когнитивную деятельность, *что может претендовать на звание подлинной «мысли»*. Но эти

внутренние рассуждения (актуальные для него ценности, избранные приоритеты, отношение к адресату, в том числе внутреннее оправдание лжи и пр.), как и полагается «мысли», скрыты, не имеют атрибутов знаковости. Напротив, сам процесс достижения изменений (в котором, конечно, присутствует операциональный контроль со стороны сознания) уже является не мыслью, а самой процедурой воздействия. Поймать лгущего человека на лжи означает установить его подлинные намерения при совершении данного акта, по сути, *рассмотреть отдельно процесс мышления* (выбора способа достижения искомых изменений, в том числе выбор адресата, констатация параметров действия, мотивации, преследуемые ценности и пр.) и *процесс семиотического действия*, которые разделены всегда, в том числе и при «говорении правды».

Семиотический актер говорит/пишет (а также демонстрирует, показывает, ссылается, изображает и пр.) не затем, чтобы без всякой причины констатировать «состояние дел в мире» (аристотелевская «истинная мысль»), а затем, чтобы добиться новых когнитивных состояний от адресата – заставить его обратить внимание, ответить на вопрос, посочувствовать, исполнить просьбу и пр. Он делает это посредством комплексных воздействий, в том числе словосодержащих, обнаруживая акциональный режим собственного сознания, который, в отличие от автономных слов (и прочих изолированных «знаков»), адресат (или вторичный интерпретант) может распознавать и понимать по воссоздаваемым параметрам производимого действия, в том числе по произносимым «словам». В случае лжи адресат может достигнуть и до внутреннего когнитивного состояния (уличить актора во лжи), но сделать это можно уж точно не по «словам», а по совокупности мыслимых параметров (как и во всех остальных случаях интерпретации семиотических воздействий).

Поэтому то, что производит говорящий/пишущий, не может рассматриваться как «мысль» ввиду кардинального различия между внутренней когницией и внешним воздействием (ср. планирование открывания окна и сам процесс открывания окна). Любой семиозис принципиально отличен от процессов сознания по критерию *акциональности*: посредством семиотического поступка (в том числе такого, в котором используются слова) семиотический актер (коммуникант) воздействует на постороннее сознание, в то время как внутренний мыслительный процесс неакционален, скрыт, не наблюдаем извне, не имеет знаковых атрибутов, в том числе слов.

Характерно, что сам Сталин, вынужденный в финальной части своей работы по просьбе одного из адресатов высказаться о «глухонемых, не имеющих языка» людях, признает за ними способность мыслить, несмотря на отсутствие вербального языка и пользование вместо этого языком жестов. При этом операциональными единицами их мышления марксист называет не жесты (что, казалось бы, прямо следует из аналогии со «словами» у «неаномальных» людей), а внутренние психические процессы: «Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий, представлений, которые складываются у них в быту о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого бы то ни было содержания, то есть она не существует» [Сталин 1953, 47].

Как видно, Сталин не склонен отождествлять (прямо связывать) мысли глухонемых с производимой ими знаковой последовательностью (жестами), в то время как мысли «нормальных людей, обладающих языком», по его мнению, должны быть *обязательно* представлены *словами языка*, существовать только в вербальной форме: «Я утверждаю... что мысли могут возникнуть у таких (нормальных. – А.В.) людей на базе языкового материала, что оголенных мыслей, не связанных с языковым материалом, не существует у людей, владеющих языком. Вместо того, чтобы принять или отвергнуть это положение, вы подставляете аномальных, безъязычных людей, глухонемых, у которых нет языка и мысли которых, конечно, не могут возникнуть на базе языкового материала» [Там же, 45].

Попытки сохранить слово-мысленность в теоретической схеме неизбежно приводят к упрощению моделируемой реальности. Вопреки тем, кто видит в естественном

вербальном факте «выражение мысли», «саму мысль, слитую со словом», *реальность когниции и семиозиса*, скорее, свидетельствует о том, что любые тела «знаков» (вербальные клише, жесты и пр.) являются неавтономной частью личной коммуникативной процедуры (семиотического воздействия). Индивидуальному сознанию, таким образом, отводится миссия более почетная, чем безнадежная скованность рамками «языка», оправданно утверждается *свобода сознания от «языка»* (и от навязанных ему «языком» фантомных «национальных концептов», «языковой картины мира», «национального менталитета», «лингвокультурной общности носителей» и пр.).

Продолжение следует.

Источники – Primary Sources

Бахтин 1979 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979 (Bakhtin, Mikhail M., *Aesthetics of Verbal Creativity*, in Russian).

Сталин 1950 – *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания. М.: Государственное издательство политической литературы, 1953 (Stalin, Joseph V., *Marxism and Problems of Linguistics*, in Russian).

Ссылки – References in Russian

Алпатов 1991 – *Алпатов В.М.* История одного мифа: Марр и марризм. М.: Наука, 1991.

Вдовиченко 2008 – *Вдовиченко А.В.* Расставание с «языком». Критическая ретроспектива лингвистического знания. М.: ПСТГУ, 2008.

Вдовиченко 2017^a – *Вдовиченко А.В.* «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели»: проект, смыслообразование, общение // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2 (32). С. 50–61.

Вдовиченко 2017^b – *Вдовиченко А.В.* Вербальный процесс в зеркале чтения и письма // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2017. № 3 (52). С. 62–75.

Вдовиченко 2018 – *Вдовиченко А.В.* С возвращением, автор, но где же твой текст и язык? О вербальных данных в статике и динамике. Часть 1 // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 156–167; Часть 2 // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 57–69.

Вдовиченко 2021 – *Вдовиченко А.В.* О различии когнитивного и знакового (словосодержащего) процессов. Экспериментальный аргумент // Когнитивные исследования языка. № 4 (47): Методы когнитивной лингвистики. Материалы Круглого стола. Московский государственный лингвистический университет, 29 октября 2021 года. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2021. С. 181–192.

Вдовиченко 2022 – *Вдовиченко А.В.* Упрощенный стандарт «языка» в работе И. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»: из прошлого в настоящее и далее // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2022. № 72. С. 9–19.

Гаспаров 2022 – *Гаспаров Б.М.* Сталин и «курско-орловский диалект»: заметки на полях дискуссии (вместо послесловия) // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2022. № 3 (72). С. 20–28.

Звегинцев 1989 – *Звегинцев В.А.* Что происходило в советской науке о языке? // Вестник Академии Наук. 1989. № 12. С. 11–28.

Слюсарева, Страхова 1976 – *Слюсарева Н.А., Страхова В.С.* История языкознания (пособие для студентов-заочников). Вып. 7. М.: МГПИИЯ, 1976.

Хан-Пира 2002 – *Хан-Пира Э.И.* Перед рассветом // Русский язык. 2002. № 23. URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200202306>

Чикобава 1973 – *Чикобава А.С.* Язык и «теория языка» в философии и лингвистике // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1973. Т. 32. № 6. С. 428–438.

Чикобава 1974 – *Чикобава А.С.* О философских вопросах языкознания // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1974. Т. 33. № 4. С. 312–319.

References

Alpatov, Vladimir M. (1991) *The Story of a Myth: Marr and Marrism*, Nauka, Moscow (in Russian).

Chikobava, Arnold S. (1973) 'Language and "theory of language" in philosophy and linguistics', *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, Vol. 32, No. 6, pp. 428–438 (in Russian).

Chikobava, Arnold S. (1974) "On Philosophical Problems of Linguistics", *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, Vol. 33, No. 4, pp. 312–319 (in Russian).

Gasparov, Boris M. (2022) ‘Stalin and the “Kursk-Oryol dialect”: notes on the margins of the discussion (instead of an afterword)’, *Vestnik PSTGU, Seriya 3: Filologiya*, Vol. 3, pp. 20–28 (in Russian).

Han-Pira, Erik I. (2002) “Before dawn”, *Russkij yazyk*, Vol. 23, URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200202306> (in Russian).

Slyusareva, Natalya A., Strahova, Vera S. (1976) *History of linguistics (a manual for part-time students)*, Iss. 7, MGPIIYa, Moscow (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2008) *Parting with “language”. Critical retrospective of linguistic knowledge*, PSTGU, Moscow (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2017) “Development of a communicative model of the verbal process in the conditions of the crisis of the language model”: project, meaning formation, communication’, *Voprosy psiholingvistiki*, Vol. 2 (32), pp. 50–61 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2017) “Verbal process in the mirror of reading and writing”, *Vestnik PSTGU, Seriya III: Filologia*, Vol. 3 (52), pp. 62–75 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2018) “Nice to see you again, author, but where is your text and language? About verbal data in statics and dynamics”, Part 1, *Voprosy filosofii*, Vol. 6 (2018), pp. 156–167; Part 2, *Voprosy filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 57–69 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2021) “On the difference between cognitive and sign (word-containing) processes. Experimental Argument”, *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, Vol. 4 (47): *Metody kognitivnoj lingvistiki*, MSLU, 29 oct. 2021, ILing RAN, Moscow, TGU, Tambov, pp. 181–192 (in Russian).

Vdovichenko, Andrey V. (2022) ‘A Simplified Standard of the “Language” in I. Stalin’s *Marxism and Issues in Linguistics* from the Past to the Present and Beyond’, *Vestnik PSTGU, Seriya III: Filologia*, Vol. 72, pp. 9–19 (in Russian).

Zvegincev, Vladimir A. (1989) “What happened in the Soviet science of language?”, *Vestnik Akademii Nauk*, Vol. 12, pp. 11–28 (in Russian).

Сведения об авторе

ВДОВИЧЕНКО Андрей Викторович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора теоретической лингвистики Института языкознания РАН, профессор кафедры теории и истории языка историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Author’s Information

VDOVICHENKO Andrey V. – DSc in Philology, lead researcher, Institute of Linguistics, Russian academy of sciences; professor, the department of the history and the theory of language, Orthodox St. Tikhon University for Humanities.